

Алексей Шляхторов

КАК ЗОЛОТАЯ ОРДА ОЗОЛОТИЛА РУСЬ

МИФЫ И ПРАВДА О
«ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОМ ИГЕ»

Тайны Древней Руси

Алексей Шляхторов

**Как Золотая Орда озолотила
Русь. Мифы и правда о
«татаро-монгольском иге»**

«Яуза»

2016

УДК 94(47)"04/14"

ББК 63.3(2)4

Шляхторов А. Г.

Как Золотая Орда озолотила Русь. Мифы и правда о «татаро-монгольском иге» / А. Г. Шляхторов — «Яуза», 2016 — (Тайны Древней Руси)

ISBN 978-5-699-89617-2

Нет в нашей истории более лживого и клеветнического мифа, чем «черная легенда» о «татаро-монгольском иге», которое представляют эпохой «постыдного рабства», национального унижения, невыносимого гнета и «Погибели Русской Земли». Однако эта сенсационная книга доказывает: **ВСЁ БЫЛО СОВСЕМ НЕ ТАК!** Что это за «иго», если за 200 лет население Руси увеличилось вдвое (беспрецедентный рост для средневековой Европы!), а экономика — в два с половиной раза?! Что это за «гнет», если ордынская дань не превышала 3 кг ржи с человека — гораздо меньше льгот, полученных от степных «завоевателей»? Что это за «рабство», если Русь вела полностью независимую внешнюю политику, заключая договора с кем и как считала нужным, и жила по Русской Правде, а не по законам Чингисхана? Что это за «погибель», если союз Руси с Золотой Ордой и Ганзой позволил создать «Северный шелковый путь», который буквально озолотил Москву, уберечь нашу землю от хищного Ватикана и заложил экономическую основу для грядущего возвышения Русского Царства?! Основываясь на исторических фактах, последних научных изысканиях и правильно переведенных первоисточниках (а у нас даже в энциклопедии Брокгауза есть ошибки перевода!), эта книга опровергает самые грязные злокачественные мифы и обеляет нашу древнюю историю.

УДК 94(47)"04/14"

ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-699-89617-2

© Шляхторов А. Г., 2016

© Яуза, 2016

Содержание

Вступление	6
Глава 1	8
Конференция «Русь в XIII веке: корректировка катастрофических последствий» [29]	10
Вторжение с восточной стороны	12
Взросшая враждебность Ватикана	15
Последний натиск великой империи	20
Александр, Берке и Бейбарс:	21
Новый сосед: Золотая Орда —	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Шляхторов

Как Золотая Орда озолотила Русь. Не верьте лжи о «татаро-монгольском Иге»!

Вступление

Карамзин в предисловии к своей «Истории...» пишет, что автором теории монгольского ига является не он, а **«Муж учёный и славный, Август фон Шлёцер»**, который установил, что **«Россия от времён Батыя и до Иоанна III... ДОЛЖНА быть названа угнетённою»** [1].

С другой стороны, общеизвестным фактом считается расцвет русской культуры в XIV веке благодаря таким мастерам, как Андрей Рублёв, Феофан Грек и др. Касаемо архитектуры же появились авторитетные заявления, что «пластика послемонгольского орнамента конца XIII века» в Северо-Восточной Руси была «уже более ближе к Ренессансу, чем к готике» [2]. Строятся храмы, крепостные стены, золотятся купола. Растет новгородская колонизация, особенно на восток, за Урал на Обь, в богатую Югру. И теперь пора разобраться – без перегибов и фантазий, – а что же там, в нашем средневековье, было на самом деле? Каковы в действительности были отношения наших предков с Золотой Ордой – подданных, вассалов или только формальных вассалов, а? Насколько велика была зависимость? А Господин Великий Новгород, он как?

Академик Янин доказал, что Новгород не был зависим от суздальских князей. Абсолютно. Что подтверждается договорами и грамотами между ними – XIII, XIV и XV веков, как раз до Ивана Третьего. Аналогично – Смоленск, только он потом стал буферным княжеством между Москвой и Литовским княжеством. Но Смоленск и Новгород – это 5/8 населения Северной Руси (Великороссии). Это данные демографии. Причём общее население Северной Руси составляло 1,25–1,3 млн чел. [3–5]. Да и с Суздалем не так всё ясно. Там же в XIV веке – расцвет архитектуры, Андрей Рублёв с Феофаном Греком. Но ведь для культурного подъема нужно не только состояние души, но и хорошие ДЕНЬГИ. А как совместить понятие «хорошие деньги» с понятием «иноземное иго»? Добавим, что население Южной и Западной Руси, т. е. будущих Украины и Белоруссии, примерно равнялось населению Северной и, т. о., составляло те же 1,25–1,3 млн чел., что давало в сумме 2,5–2,6 млн [3–5]. И, кстати, Украина считает Галицкое и Волыньское (самые многолюдные и богатые) княжества лишь номинально зависимыми от Орды, т. е. независимыми де-факто, хотя и платившими небольшую дань. А как на самом деле было, надо разобраться. **Давайте попробуем подойти к имеющейся информации просто с позиции здравого смысла. Не будем поддаваться воздействию методичного повторения слова «иго»** – многие авторы, добросовестно излагая факты русско-ордынских отношений, в том числе и те, что не очень укладываются в концепцию ига, тем не менее постоянно используют этот термин как заклинание, как пароль. **Хотя у этого слова есть вполне конкретное определение:** «угнетающая поработавшая сила (первоначально ярмо, хомут)» [6], «монгольское иго на Руси – система властвования монгольских феодалов над русскими землями» [7]. (И появился термин – в Польше [8]).

Современный историк Д. Г. Хрусталёв [9] замечает: «говорить о единой системе «ига» не приходится. Скорее всего требуется всегда заключать это слово в кавычки и наполнять его весьма абстрактным содержанием» [10]. Ведь сумму самой дани времён Узбека и Тохтамыша мы теперь знаем точно благодаря книге С. М. Каштанова «Финансы средневековой Руси» [11].

С точностью до рубля – 7000 руб. в год. Вел. князя + 1000 руб. (Тверь и Рязань) = 8000 р./год. А были ли платы сверх этой суммы и как часто? Вот с этим надо разобраться.

Также отметим: если население было всё же больше, чем указано ^[3–5], то дань на душу населения была меньше. За 250 лет «ига» население Руси выросло в 2 раза ^[12]. И это – несмотря на страшные пандемии чумы XIV века. И чтобы понять, что было на Руси на самом деле в XIII, XIV и XV веках, нужно серьёзно и педантично проанализировать основные черты тогдашнего общества и их бесспорные, например, генетические – ведь это как отпечатки пальцев у сыщиков – последствия. Мы прежде всего проанализируем следующие факторы:

- состояние страны с середины XIII века, строительство, архитектура, данные (причём последние) археологии;

- генетический фактор (антропологический тип и генофонд русских); это – повторим – как отпечатки пальцев у криминалистов;

- размер и тяжесть дани, способы её выплаты. И вот здесь, именно в разделе о даях, обязательно нужно сделать сравнение – в **СОПОСТАВИМЫХ ЦИФРАХ** – с другими странами; а как было там, у них?

- Позиция «Ганзы» – нашего **основного торгового партнёра на Западе**. А какая здесь связь с Золотой Ордой? Как увидим, самая прямая.

- Позиция Церкви.

- Поездки в Орду без аманатов.

- Законодательство.

- Браки.

- Веча крупных городов.

- Правление Узбека, Калиты. Москва и Тверь. Почему победила Москва.

И мы увидим много нового, на что раньше просто не обращали внимания, ибо не было принято делать сравнительный анализ с другими странами. Итак, поехали.

Глава 1

Сравнение Руси и других стран

На рубеже тысячелетий для многих историков и археологов стало очевидным, что именно с конца XIII века на Руси (особенно Суздальской) начался устойчивый и ускоренный рост населения. Наступила «эпоха городов». Резко возросло строительство каменных церквей и крепостных стен (Псков, Холм, Копорье, Луцк, Новгород). Росли не только Тверь, Коломна, Львов, Москва, но и их пригороды: Кашин, Звенигород, Зубцов.

Сокращение сельского населения Руси в середине XIII века связывают с шокирующими описаниями Батыева погрома. Но на самом деле в значительной мере это произошло в 1-й трети XIII века в связи с **климатической катастрофой** по типу «Годуновских голодов»^[13, 14], которая накрыла Русь на рубеже 20-х и 30-х годов XIII столетия (количество строительных артелей уменьшилось в 2,33 раза)^[15]. Но уже в 70-е гг. начался рост экономики^[16]. **К этому времени в стране восстановилось количество строительных артелей и началось каменное строительство.**

Считалось, что в 1237–1241 гг. монголы сожгли и разгромили все крупные города тех княжеств, через которые они прошли. Но сейчас историки и археологи (например, Д. Песков, Дж. Феннел, Д. Хрусталёв) отмечают, что точно перечислить количество взятых городов очень сложно^[17–19]. Но их было меньше, чем считалось ранее^[20]. Во второй же половине XIII века рост экономики стал ощутим. На Севере строятся Псковский кремль – знаменитый Довмонтов город, крепость в Копорье, а в 1302 г. мощные крепостные стены опоясывают Новгород Великий^[21]. И дальше укрепления городов только обновляются и расширяются в XIV и XV веках.

Уже после смерти Довмонта, в начале XIV века, псковичи строят линию каменных стен вокруг всего города. В 1303 году ставится новая деревянная крепость Изборска с круглой каменной башней Луковкой. Кроме того, мастерами Довмонта на территории Крома был возведён каменный княжеский дворец. Причём строили не только крепости. Архитектор С. В. Заграевский в книге «Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII – 1-й трети XIV вв.» (М., 2003) описывает каменные церкви, построенные в это время. Мы видим, что к концу XIII – первой трети XIV века относится достаточно представительный круг памятников.

1. Церковь Бориса и Глеба в Ростове. 1287 год.
2. Спасо-Преображенский собор в Твери. 1285–1290 годы.
3. Церковь в Коломенском кремле, предшествовавшая Успенскому собору Дмитрия Донского. Конец 1290-х годов.
4. Нижний храм церкви Рождества Богородицы в Городне. 1290-е годы, условно уточненная датировка – 1291–1292 годы.
5. Нижний храм Никольской церкви (Старо-Никольского собора) в Можайске. Начало XIV века, условно уточненная датировка – 1304–1305 годы.
6. Церковь Иоанна Предтечи на Городище в Коломне. Начало XIV века, условно уточненная датировка – 1307–1308 годы.
7. Никольская церковь в селе Каменском. Не позднее 1325 года, условно уточненная датировка – 1309–1312 годы.
8. Верхний храм церкви Рождества Богородицы в Городне. Не позднее 1327 года, условно уточненная датировка – 1309–1315 годы.
9. Верхний храм Никольской церкви (Старо-Никольского собора) в Можайске. Первая четверть XIV века, условно уточненная датировка – 1318–1325 годы.
10. Собор Федоровского монастыря в Твери. 1323–1325 годы.

11. Церковь в Старице, предшествовавшая храмам рубежа XIV–XV веков, фрагменты которой во вторичном использовании были обнаружены Н. Н. Ворониным.

12. Успенский собор в Москве. 1326–1327 годы.

13. Петроверигский придел Успенского собора в Москве. 1329 год.

14. Церковь-колокольня Иоанна Лествичника в Москве. 1329 год.

15. Собор Спаса на Бору в Москве. 1330 год.

16. Церковь Михаила Архангела (Архангельский собор) в Москве. 1333 год.

Это названы только белокаменные церкви и храмы. Т. о., рубеж XIII – XIV вв. на Руси можно назвать началом эпохи городов. Ибо дальше строительство только росло. Обратимся к комментариям автора.

«В любом случае, каким бы ни было соотношение местных и «пришлых» строительных кадров, как бы ни шел обмен опытом между зодчими разных городов и княжеств, все равно в Северо-Восточной Руси конца XIII – первой трети XIV века мы видим *нормальный, закономерный процесс формирования уникального архитектурного стиля*. Н. Н. Воронин отмечал, что еще с дореволюционных времен существует стереотипный взгляд на историю русского зодчества этого времени как на пору глубокого упадка и регресса, вызванных монгольским разгромом. Но, убедительно доказав неправоту такого стереотипа, исследователь выдвинул в качестве альтернативной версии «болезнь роста», то есть фактически признал тот же упадок зодчества, только «прогрессивный» [22].

Но на самом деле вряд ли вообще возможно говорить об упадке, а тем более о «варварстве» раннего послемонгольского зодчества Ростова, Твери, Рязани и Москвы [23]. Иначе бы русские мастера конца XIII – первой трети XIV века разучились делать и гладкотесаные порталы, и тонкие архивольты, и орнаментальные пояса [24].

У нас нет никаких поводов говорить и о «грубости» пластики послемонгольского скульптурного декора по сравнению с домонгольским [25]. Сравнительный анализ, проведенный автором этой книги в отношении орнамента на стенах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и фрагментов орнамента раннемосковских храмов, хранящихся в лапидарии Московского Кремля, не показал никакой значимой разницы в «тонкости» их исполнения. Все размеры основных элементов этих орнаментов очень близки [26]. Послемонгольский декор выполнен более экономно с «количественной» точки зрения, но качество его тески не ниже, а то и выше, чем у домонгольских аналогов. К тому же в целом храм гораздо больше и дороже домонгольского. (См. [438, 439].) Отметим, что пластика послемонгольского орнамента уже более близка к Ренессансу, чем к готике» [27]. Вот это – исключительно важные заключения профессионального архитектора, и они говорят о том, что во 2-й половине XIII века продолжалось поступательное развитие Северной Руси, её архитектуры и искусства.

Но следы погрома должны остаться и ПОД ЗЕМЛЁЙ. Ведь тот же Карамзин с горечью писал: «Ярослав приехал (в Суздальщину) господствовать над развалинами и трупами (1238 г.) ... Древний Киев исчез, и навеки; ибо сия, некогда знаменитая столица, мать городов российских, в XIV и в XV веках представляла ещё развалины; в самое наше время существует единственно тень её прежнего величия (1240 г.)» [28].

А что говорят археологи? В наших руках оказался серьёзный текст по теме.

Конференция «Русь в XIII веке: корректировка катастрофических последствий» [29]

С 14 по 16 ноября 2000 г. в Институте археологии РАН (г. Москва) проходила конференция «Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?», на которую съехались археологи из различных городов европейской части России, а также из Киева (Украина). Конференция была проведена при финансовой поддержке РГНФ (код проекта 00-01-14006 г) [30]. Необходимость её была вызвана тем, что за последние десятилетия в руках исследователей накопились факты, заставлявшие их по-новому осмысливать последствия нашествия 1237–1240 гг. [31]. Многочисленные примеры преемственности в развитии русских городов и сел на протяжении XIII в., с одной стороны, и свидетельства разрыва традиций на территориях, не затронутых нашествием, – с другой, **стали входить в противоречие с выработанной в предшествующий период концепцией, рассматривавшей Батыев погром как событие, изменившее всю материальную и духовную культуру Руси** [32]. Для выхода из этого противоречия назрела необходимость проведения встречи исследователей разных регионов Руси и прямого обмена мнениями по данной проблеме. За время работы конференции было заслушано и обсуждено 30 докладов. Тезисы 25 докладов, представленные авторами, были опубликованы к началу конференции в сборнике. И вот что поведали миру наши археологи. А не так уж и мало нового, сильно отличного от заявлений археологов советских и царских. Посмотрим же главные выводы.

А) Было подчеркнута, что отождествление комплексов, связь которых с военными действиями не очевидна, а узкая датировка невозможна, **с последствиями Батыева нашествия способствует формированию необъективных представлений о масштабах трагедии 1237–1240 гг.** [33]. Наряду с упадком ряда городов в XIII в. происходило динамичное развитие целого ряда центров (Твери, Москвы, Нижнего Новгорода, Коломны, Переяславля-Рязанского и др.) [34]. Отмечено, что изменения в системе сельского расселения, происходившие на протяжении XIII в. на всей территории Руси, совпали по времени с нападением монголов, однако были обусловлены **не столько им** [35], *сколько внутренними процессами в экономике и социальной сфере* [36]. *А также упомянутой выше климатической катастрофой 1228-1230-х годов.*

Б) Мнение о запустении Киева после 1240 г. проистекало в прошлом из-за недостатка археологических данных, касающихся периода второй половины XIII – XV в. [37], и недостаточного учета сведений письменных источников [38]. Исследования последних десятилетий показали, что материальная культура города в этот период характеризовалась сохранением традиций XI–XII вв. и отсутствием резких изменений. Обнаружены яркие образцы высокой художественной культуры и свидетельства широких внешних связей Киева в XIII–XIV вв. [39]. Т. е. да, Киев не был таким большим, как предполагали россияне XVIII века, но он жил, и сохранял традиции, и никуда не собирался пропадать. Просто наука при Карамзине не могла этого установить.

В) Были систематизированы ранее известные и представлены новые данные, подтверждающие существование Старой Рязани в качестве важного политического и культурного центра после штурма 1237 г. Т. е. на протяжении второй половины XIII и XIV века [40]. Отмечены находки многочисленных образцов керамики этого времени [41], золотоордынской каменной пластинки с именем хана [42].

То есть город жил, развивался, и только в XIV веке не выдержал конкуренции со стороны Новой Рязани, или Переяславля-Рязанского, который был построен в более выгодном месте ^[43]. Керамический стиль, получивший распространение в Старой Рязани в XIII в., послужил основой для формирования керамических типов XIV в. ^[44]. Ростов, избежавший погрома в 1238 г., оставался во второй половине XIII в. основным, самым крупным центром Северо-Восточной Руси ^[45]. Однако реализовать эту потенциальную возможность Ростову впоследствии не удалось, что было связано с политикой усиливавшейся Москвы ^[46]. В XIV–XV вв. город находился в состоянии стагнации. Таким образом, на торможение развития города оказали влияние не поход Батыя, а иные факторы ^[47]. Что касается самой Москвы – данные археологии свидетельствуют о непрерывном и поступательном развитии Москвы в XIII в. Этому развитию не смог помешать и пережитый городом зимой 1237/38 г. разгром со штурмом и мародёрством ^[48].

А что же в итоге? А в итоге мы видим, что **традиционное представление о катастрофических изменениях в русской культуре в результате Батыева нашествия подверглось существенной корректировке** ^[49]. **Механизм этих изменений теперь представляется значительно более сложным, чем это казалось ранее** ^[50]. Наряду с внешними факторами (татарское вторжение и экспансия Ливонского ордена) ^[51] огромное значение имел целый ряд факторов внутреннего развития ^[52]. Вот такие выводы. Где же ещё искать следы разгрома и упадка? А начнём-ка мы с самого начала. Со вторжения.

Вторжение с восточной стороны

О вторжении Батые в 1236–1242 гг. в Восточную Европу написано так много, что будет оптимально, если отметить самые главные причины, события и выводы.

А) Всё началось с похода 1221–1223 гг. Субудэй разбил грузин, алан, половцев и русских. Но дальше случилось неожиданное. Волжские булгары устроили засаду и разбили монгол не хуже, чем те – русских и половцев на Калке. Это был разгром – нокаут. Монголы решают повторить поход на Запад. Но уже не как глубокий конный рейд, а полномасштабный, серьёзно подготовившись, а главное – с осадной и камнемётной техникой. Возглавить поход должен был старший сын Чингисхана – Джучи. Но сперва начались трения. Согласно «Сборнику летописей» [Рашид ад-Дина](#) ^[53] последние годы жизни Джучи прошли в плохих отношениях с отцом. Причиной стал его отказ выполнить приказ отца о покорении всего [Дешт-и-Кипчака](#) – булгар, башкиров, русских и черкесов.

Джуджани сообщает, что Джучи заявил о «безрассудстве отца в отношении земель и людей». Во время болезни Чингисхана в конце 1225 года Джучи не присутствовал на совете, чем разгневал отца (после того как соглядатай хана сообщил, что он не болеет, как заявлял ранее, а развлекается охотой), и тот приказал отправить войско в его сторону. Но поход так и не произошел ввиду того, что Джучи скончался.

Поход был отложен.

После разгрома монголами Северного Китая в 1234 г. хан Угедей снова поднял на Курултае вопрос о Западном походе ^[54], т. к. сломить булгар силами улуса Джучи не получалось ^[55].

Б) И в 1235 г. войско во главе с Бату и Субудаем, усиленное частями монгольских царевичей, двинулось на запад и переправилось через реку Яик. А затем, с боями, оттеснив половцев и булгар, переправилось и через Волгу. В 1236–1237 гг. они разбили «главных обидчиков» – камских ^[56] булгар. Были взяты штурмом обе столицы булгар – и Булгар Великий ^[57], и Биляр ^[58]. В 1237–1238 гг. – разбили рязанцев и суздальцев ^[59]. Мы знаем, что Владимир и Рязань были взяты штурмом ^[60]. Погибли вел. князь Юрий и младший сын Чингисхана **Кюлькан (уникальный случай)** ^[61]. Особенно тяжёлыми и упорными были сражения около Коломны ^[62], где против степняков сражались вместе владимирские и рязанские рати и где погиб хан Кюлькан, и оборона Торжка ^[63], первого и единственного города-крепости в Новгородской земле, взятого степняками, который отчаянным сопротивлением задержал главные силы монгол на 15 дней, измотав их и, возможно, заслонив этим Новгород (возможно – потому что и сейчас точно неизвестно, зачем монголы так долго и упорно штурмовали этот пограничный город). Сопротивление было настолько яростным, что Бату отвёл войска от стен и две недели громил город осадной техникой ^[64]. Но время было потеряно, и после взятия крепости, потратив драгоценный провиант, монгольской армии всё же пришлось повернуть назад ^[65]. И, наконец, Козельск. Здесь ситуация обратная Торжку ^[66]. Осадная техника отстала, приходилось штурмовать и штурмовать ^[67]. Презрения эти люди (русичи) вызвать явно не могли ^[68].

В) Когда половцы были разбиты и Бату засобирался ударить по их покровителю – Венгрии, произошёл скандал – по одним данным – у Киева, по другим – у Владимира-Волынского. Гуюк и Мункэ в итоге развернули своих людей и ушли в Монголию.

Г) В 1241 г. с оставшимися силами Бату вторгся в Венгрию, разгромил её войска и дошёл до Адриатического моря. Его тумены год громили страну. А уже в следующем, 1242 г., пришла весть о смерти императора Угедея, и все остальные монгольские царевичи, кроме Джучидов, также повернули на восток. Джучиды отошли на Волгу.

И Бату остался один, в далёких западных степях, с относительно малым войском и врагом Гуюком – 1-м кандидатом на имперский престол. **Ситуация резко изменилась.** Начались контакты с Ярославом Суздальским ^[69] и Даниилом Галицким ^[70]. Однако в 1246 году Ярослав был отравлен в Монголии ^[71]. Г. В. Вернадский считал, что Ярослава убили, потому что он был «человеком Батыя, а в Каракоруме с Батыем враждовали. И решили убрать его без лишнего шума». И тут появляется... Андрей Ярославич ^[72]. А за ним – именно в такой последовательности – его брат Александр ^[73]. Вот с этим – уже опытным и самым сильным на Руси воякой, умным политиком, уважаемым и в Новгороде на вече, и во Владимире среди князей, – можно было договариваться.

Александр появился в Орде уже опытным воином и полководцем 27 лет. (Это был 1247 год.) Вот об Александре у нас достоверной информации значительно больше. Хотя и здесь много наворочено противоречивого, но всё же можно нарисовать образ достаточно точно. ПЕРВОЕ сражение Александра – Эмбах, 1234 г. (14 лет), под началом отца Ярослава, а затем бои с литовцами.

Зимой 1237/38 г., судя по 1-й Новгородской летописи, он лихорадочно укреплял город сразу и от монгол, и от литовцев, не зная толком, откуда вперёд придёт враг. В общем, к 1240 году имел неплохой военный, а заодно и политический опыт – несколько лет княжения в Новгороде под контролем веча, посадника и владыки-архиепископа взрослят не по годам. В 1240 году начались его сражения. И тут выяснилась интересная, редкая особенность Александра-полководца. Он защищал Русь малой кровью. Ведь сейчас уже понятно, что все его сражения были небольшими по размерам, но они оказывали сильное воздействие на умы окружающих, давя конфликты быстро и в зародыше. Это был князь-панчер, полководец-нокаутёр. Июль 1240 г., высадка шведов. Князь набрал всего 500 воинов. Ставка на скорость. Конечно, у шведов нет 5000 воинов, тогда бы никакие таланты и хитрости не помогли. Но всё же их было в 3–4 раза больше. Князь строит своих в лесу и по сигналу внезапно атакует. Сеча, звон железа, шведы, отбиваясь и строясь одновременно, несут большие потери, Александр в поединке сбивает их командора и... по другому сигналу русские так же внезапно отступают обратно в лес. У шведов – столбняк. Они видят, что потери у них несопоставимо больше (у русских – всего 19 человек). Но где русские? Почему скрылись? Сколько их, что задумали? Командор ранен, дух падает, они снова грузятся на свои корабли и со стыдом уходят. И – надолго. Затем 20-летний князь умело выбивает тевтонов и датчан из крепостей. Тут он воюет по всем правилам ^[74].

Чудское озеро. Здесь он поставил пехоту в центре не по сценарию Эйзенштейна. Он её здесь вообще не ставил, а, выбрав крутой участок берега для центральной позиции, разместил там только лучников т. о., что противнику из-за них не был виден коварный рельеф. Атакуя (лучники быстро взобрались вверх), ударная конница тевтонов «врезалась» в крутой подъём, смешалась и втянулась в бой с пехотой на флангах ^[75]. Рыцарская конница не могла развить свою атаку, так как задние ряды рыцарей подталкивали передние. А на правом фланге русские безнаказанно стали осыпать датчан и пехотинцев-эстов из луков, пользуясь сумятицей у тевтонов, в центре позиции союзников. Тут из засады с конницей выскакивает Александр и атакует немцев с тыла. Снова лично валит в поединке вице-командора; и немцам с датчанами, ещё не проигравшим бой, кажется, что они УЖЕ окружены. Паника, бегство, нокаут ^[76]. Следующие три года он воюет с литовцами. Здесь совсем другая тактика, быстрые набеги, партизанская война. Противник избегает прямого боя. Особенно с тяжеловооружёнными новгородцами. Навязав бой и разбив литву у Торопца, князь отпустил основную часть войска, а сам двинулся назад с малым, но отборным войском – в качестве живца. А когда литовцы клюнули, он сумел вторично их разбить малыми силами. Разгром был полный – опять нокаут. Причём Александр ни разу не повторился в боях и стал самым знаменитым воином Руси наряду с Даниилом Галицким. В это время, в 1246 г., из Монголии привозят тело отравленного отца и

вызов самому Александру ^[77]. Далее, пишет большинство поздних источников, он поехал за ярлыком. Но это было не так. Согласно Новгородской I летописи, «Александр прибыл во Владимир в силе великой» на выборы нового князя ^[78]. Им стал Святополк – брат Ярослава Всеволодовича. Так что Александр Ярославич сначала занимал достаточно радикальную позицию ^[79]. Но тут в Орду рванул его брат Андрей. Дело в том, что он был указан владими́ро-суздальским князем в завещании Ярослава, а Александр – новгородским, киевским и старшим. Понимая, что дело пахнет междоусобицей, Александр поехал вслед за Андреем. Тут источники сходятся, что Александр прибыл в Орду «вслед за Андреем» ^[80]. И вот: Александр и Бату договариваются. Они прежде всего попилили Волжский торговый путь, причём сделали это на основании простого здравого смысла: русские контролируют великий путь до Нижнего Новгорода (т. е. Финский залив, Ладогу, Волхов, систему волоков до Волги, Угры и Оки и лесистые их верховья до слияния Волги и Оки), а степняки-ордынцы – Среднюю (Казань, Булгар) и Нижнюю (Астрахань, Сарай) Волгу до Каспия, где уже была их власть и где их степная конница эффективна против всяких татей ^[81]. И Александр развязал себе руки на западе. Его к тому времени порядком достали послания из Ватикана. Именно достали, потому что это были послания-наезды, присылаемые в дополнение к боевым действиям.

Возросшая враждебность Ватикана

Первое послание к русским состоялось ещё в начале эскалации боёв в Прибалтике: Послание папы Гонория III королям Руси, 17.01.1227 г. Папа утверждает, что чем дольше коснеть в заблуждении, тем больших напастей следует страшиться, и ждёт Русь еще более тяжелое несчастье, если не вступить на путь истины. А надо, поддерживая прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии, не мешать распространению веры христианской, и тогда не «вызовете негодования божественного апостольского престола, который при желании легко может воздать вам возмездием»^[82].

Очень сердито, особенно если вспомнить, что прошло всего 23 года с вероломного, как ни крути, захвата и разгрома Константинополя в 1204 г. А за 3 года до этого письма немецкие рыцари-меченосцы взяли штурмом богатый русский город Юрьев (Тарту) и истребили весь его гарнизон во главе с князем Вячко. Вот как описывает их (крестоносцев) идеологию и практику Жак Ле Гофф^[83]: «Реальностью был христианский мир»^[84]. Католический, конечно. Т. е. правильный, такой как надо. «Именно применительно к нему средневековый христианин-католик определял и все остальное человечество, и свое место по отношению к другим. И прежде всего по отношению к византийцу»^[85]. С 1054 г. византиец считался еретиком. Однако если обвинение в расколе, отступничестве и было важнейшим, западные люди пока ещё не доходили до того, чтобы его определить – во всяком случае, назвать. Ведь вопреки теологическим распрям, в частности спору о «филиокве» (ибо византийцы отвергали двоякое исхождение Святого Духа, который, по их мнению, исходил только от Бога-Отца), и особенно вопреки институциональному конфликту (ибо константинопольский патриарх отказывался признавать верховенство папы) они тоже были христианами. Только очень неправильными. «Редиски», одним словом, двоечники. На такое «разгильдяйство» восточных европейцев на Западе сначала и внимания особо строгого не обращали, и княжеская молодёжь Руси продолжала вступать в браки с «добрыми католиками» без особых проблем. И никто их не обзывал двоечниками. И католическая молодёжь без страха приезжала к нам. И ведь никто не думал, что едет в страну еретиков и «редисок». Но уже в середине XII в., во время II Крестового похода, епископ Лангрский – вдруг – громко возопил о взятии Константинополя и побуждал французского короля Людовика VII к громким и идейным заявлениям, что византийцы не являются «христианами на деле, а лишь по имени», что они показали себя виновными в ереси. Этот бредовый антагонизм был результатом отдаления, которое, начиная с IV в., постепенно превратилось в пропасть. Те и другие не понимали больше друг друга, **особенно западные люди, из которых даже самые ученые не знали греческого языка**^[86].

Это непонимание переросло мало-помалу в ненависть, а потом ещё и в зависть. По отношению к грекам латиняне испытывали смесь зависти и презрения, идущего от более или менее подавляемого чувства неполноценности. Латиняне упрекали греков в том, что они манерны, трусливы, непостоянны. Но прежде всего **они обвиняли их в богатстве**. Это была рефлекторная реакция воинственного и бедного варвара на богатого цивилизованного человека^[87]. В 968 г. ломбардец Лиутпранд, епископ Кремонский, посланный германским императором Оттоном I в Константинополь, вернулся оттуда с ненавистью в сердце, порожденной тем, что ему выказали мало знаков внимания. Мало того, какой-то Никифор (императоришко греческий) бросил ему в лицо: «Вы не римляне, а варвары»^[88]. И – понеслось. Грубые банальные обзывательства переросли в религиозное обвинение, предшествующее схизме: «Все ереси родились и преуспели у вас, а мы, люди Запада, положили им конец и умертвили их». Как по Гоголю. Только не смешно. И последнее унижение: при отъезде византийские таможенники отняли у

Лиутпранда пять пурпурных плащей^[89], вывоз которых был запрещен, – система, непостижимая для варвара, который жил в условиях рудиментарной экономической организации.

Тем более обидно и досадно, когда новгород-киевский варвар Олег и его мужланы-русы имеют здесь всё, что захотят. Только древние русы пользовались после 907 г. огромной привилегией бесплатно торговать в Константинополе, «не платяче мыта ни в чем же». В договоре же 944 г., подписанном после неудачного похода князя Игоря на Царьград, их права несколько ограничивались запретом закупать дорогие шелковые ткани («паволоки») больше чем на 50 «золотников» – византийских монет-солидов. Согласно договору, подписанному в 971 г. в Доростоле великим киевским князем Святославом и византийским императором Иоанном Цимисхием, возобновлялись выгодные поездки купцов-русов в Царьград.

И вот – новое оскорбление с Запада: «Эти дряблые, изнеженные люди, с широкими рукавами, с тиарами и тюрбанами на головах, лгуны, скопцы, бездельники, ходят одетые в пурпур, а герои, люди, полные энергии, познавшие войну, проникнутые верой и милосердием, покорные Богу, преисполненные добродетели, – нет!»^[90] Запад беднее, но – организованнее в военном плане. Византия, наоборот, вступает в упадок. Лучшее войско – русы, викинги, тевтоны – все сплошь наёмники. Когда в 1203 г., во время IV Крестового похода, западное войско готовилось к взятию Константинополя под официальным предлогом, что император Алексей III является узурпатором, то церковники успокаивали угрызения совести^[91] у некоторых светских участников этого предприятия, подчеркивая раскольнический характер византийцев. «Епископы и клирики сообща говорили и полагали, – писал хронист Робер де Клари^[92], – что битва является законной и что можно напасть на них, ибо в старину они повиновались римскому закону, а ныне ему больше не подчиняются. Епископы говорили также, что напасть на них будет не грехом, но, напротив, великим деянием благочестия»^[93].

Конечно, церковный союз, то есть примирение Византии с Римом, почти постоянно оставался на повестке дня. И переговоры об этом имели место.

Однако нападения на Византийскую империю, предпринятые норманнами Робера Гвискара в 1081 г., Боэмундом в 1185 г., взятие Константинополя западными рыцарями в 1204 г., взятие вероломное, под надуманными и просто дурацкими предлогами, с жесточайшим грабежом богатейшего города Европы, а также неудача проекта церковной унии вызывали глубокую враждебность между теми, кого оскорбительно называли «латинянами» (но не христианами) и «греками» (но не римлянами)^[94]. Неотесанным варварам, которые противопоставляли свою простоту неестественности этой цивилизации церемониала, была непонятна застывшая в этикете светская учтивость. В 1097 г., во время приема лотарингских крестоносцев императором Алексеем I, один из них, раздраженный всем этим этикетом, уселся на трон, «находя неподобающим, чтобы один человек сидел, когда столько храбрых воинов пребывают стоя»^[95]. Такие же реакции у французов – участников II Крестового похода, например, несдержанность Людовика VII и его советников перед манерами византийских посланцев с витиеватым языком их речей: епископ Лангрский, «будучи больше не в силах выносить длинные фразы оратора и толмача, сказал им: «Братья мои, соблаговолите не говорить столь часто о славе, величии, мудрости и благочестии короля; он себя знает, и мы его знаем тоже; скажите ему быстрее и без обиняков, чего вы хотите»^[96]. Оппозиция была также и в политических традициях. **Люди Запада, для которых главной политической добродетелью была верность – честная верность феодала, – считали лицемерием византийские методы, целиком пропитанные соображениями государственной пользы.** «Ибо у них, – писал еще Одон Дейльский, французский хронист II Крестового похода, – общепринято мнение, что никого нельзя упрекать в клятвopеступлении, если он это позволил себе ради интересов святой империи»^[97]. Одним словом, «моя твоя не понимай».

На ненависть латинян греки отвечали отвращением. Анна Комнина, дочь императора Алексея, которая видела участников I Крестового похода, описывает их как грубых варваров. То были воины, а негоциантам-грекам война претила; они были в ужасе от того, что люди церкви, епископы и священники, лично участвовали в сражениях. Превыше всего византийцам внушала ужас алчность людей с Запада, «готовых продать за обол жену и детей»^[98]. Богатство Византии было, наконец, последним укором и первым предметом зависти латинян. Во времена первых Крестовых походов изумление вдохновляло всех хронистов, которые проходили через Константинополь, на восхищенное описание. Для этих варваров, которые вели убогую жизнь в примитивных и жалких местечках, Константинополь с его, возможно, миллионным населением, монументами и лавками был откровением. В 1097 г. Фульхерий Шартрский в числе других тарашил глаза: «Сколь благороден и прекрасен Константинополь! Сколько в нем монастырей и дворцов, построенных с изумительным искусством! Сколько удивительных изделий выставлено на его площадях и улицах!»^[99] Однако потом жаба стала душить всё сильнее.

Привлекали, среди всего прочего, реликвии. Робер де Клари, уже после взятия и ограбления, перечисляет, что обнаружили крестоносцы в 1204 г., после того как захватили Константинополь, в одной лишь церкви Фаросской Богородицы: «Мы нашли там две части подлинного Животворящего Креста толщиной с ногу и длиной в пол-аршина. Нашли там также наконечник копья, коим пронзили ребро Господа. Мы нашли там также одеяние Богородицы и столько других богатых реликвий, что я не смог бы их описать»^[100]. Отменная добыча для благочестивых воров, которые будут хранить свои трофеи, и для жадных грабителей, которые их дорого продадут^[101].

Даже для тех людей Запада, которые не видели ее чудес, Византия была в средние века источником почти всех богатств, ибо оттуда шли самые ценные^[102] товары ее собственного или чужеземного производства: роскошные ткани, шелк, полновесная до конца XI в. золотая монета^[103], которую на Западе называли просто-напросто «безантом», **этот «доллар Средневековья»**. Кстати, наш знаменитый торговый путь «из варяг в греки» тоже был тесно связан с византийским богатством и могуществом. Дело в том, что до I Крестового похода Западная Европа была вынуждена мириться с практически монопольным положением Византии как посредника между Европой и Востоком. **А север и северо-запад этой самой Европы не могли попасть в Византию удобней, чем через водную речную систему путей Руси. Вот откуда сила, богатство и уважение страны, только что появившейся на свет в качестве самостоятельного государства.** Сколько соблазнов пробуждали византийские богатства! И в духовной сфере также можно было довольствоваться подчас восхищенным и признательным заимствованием. Западные теологи XII в. заново открыли для себя греческое богословие^[104], и некоторые из них приветствовали свет, который шел с Востока: *orientale lumen*^[105]. Но это не могло уже погасить всю зависть и злобу. И вот завершение: штурм крестоносцами Константинополя 13 апреля 1204 г., грабеж и жестокая резня мужчин, женщин и детей, когда латиняне наконец-то утолили зависть и ненависть к византийцам. **«Никогда еще с сотворения мира ни в одном городе не была взята подобная добыча»,** – говорит участник IV Крестового похода хронист Виллардуэн, и ему вторит византийский хронист Никита Хониат: «Сами сарацины более добры и сострадательны по сравнению с этими людьми, которые носят на плече знак Христа»^[106].

И далее – уже о нас: по сравнению с мусульманами, по отношению к которым единственной официальной позицией христиан была священная война, совсем иначе выглядели другие: те, которые еще поклонялись идолам, рассматривались как возможные христиане. Если западная Германия была христианизирована более или менее мирно англосаксонскими миссионерами, то Каролинги, начиная с Карла Великого, чье поведение по отношению к саксам

было типичным, стали проводить воинственную и насильственную христианизацию. На первых порах каролингские государи занимали в отношении язычников оборонительную позицию, но после 955 г., когда Оттон I одержал двойную победу над венграми, начался длительный период агрессивной политики обращения язычников силой. В начале X века (епископ Бруно Кверфуртский упрекал германского короля Генриха II в том, что он, ведя войну против христиан-поляков, забывает о язычниках-лютичах, которых надлежит, согласно евангельскому завету, обращать в христианство силой оружия ^[107]. Польский хронист Галл Аноним, определяя географическое положение Польши, пишет: «У северного моря ее соседями являются три очень свирепых варварских народа, населяющих Силезию (область лютичей), Померанию и Пруссию, против которых польский князь ведет бесконечную войну, дабы обратить в (истинную) веру» ^[108].

В 973 г. крупное славянское восстание уничтожило церковную организацию между Эльбой и Одером, в землях лютичей и ободритов войско германского императора было разбито ^[109] вдребезги; в 1038 г. произошло восстание в защиту язычества в Польше, а в 1040 г. пришел черед Венгрии. Для византийцев и мусульман интеграция в римский христианский мир означала бы упадок, переход на более низкую ступень цивилизации. Для язычников же вступление в этот мир было, напротив, продвижением. Это хорошо поняли франк Хлодвиг в начале VI в., норманн Роллон в 911 г., поляк Мешко в 966 г., венгр Вайк (св. Стефан) в 985 г., датчанин Гаральд (950–986) и русич Владимир в 988 г. Единственное, что вызывало иногда колебания дальновидных вождей, – это выбор между Римом и Константинополем ^[110]. В то время как поляки и венгры приняли прямо или косвенно решение в пользу Рима, **русские, болгары и сербы склонились на сторону Византии**. Православие вообще было мягче к язычникам и проливалось меньше крови. Добившись стабилизации на севере, западное христианство утвердилось в течение того же XIII в. в полосе от Литвы до Хорватии. А Русь осталась ВНЕ. Со своими мехами, воском, пенькой, водными путями. И что же делать? Особенно когда мечи и пики не помогают? А снова – писать письма.

Дальше трудился в поте лица своего Иннокентий IV. 1248 год. Всё в полном тумане. Куда двинут (или не двинут) монголы, мамелюки? Что и с кем будут делать русские? Их надо бы прижать или перетащить к себе, особенно Александра. И папа пишет, пишет письма. Целых два. Одно весной, а другое – осенью. Только теперь – оба письма – Александру. В Риме быстро оценили его роль. Но суть писем всё та же – давление и агитация.

Последнее письмо требует воздвижения в Пскове соборного храма для латинян и «непринудительного послушания» ^[111]. **Это – уже настоящий наезд**. А через несколько месяцев начинается Второй Северный Крестовый поход. Александр «Созывает мудрых людей» ^[112], пишет отказ в Рим, а главное – они решают, что с сепаратистом Батьем договориться будет проще и надёжней, чем с латинянами, разграбившими Константинополь и лезущими на восток. Поэтому с Ордой – проще. И ещё: до смерти Батые и его старшего сына Сартака Орда не брала дань с Северо-Восточной Руси. После двойного наезда Ватикана на Александра – двух посланий папы с настоятельными предложениями перехода в католичество – и началом в 1249 г. Второго Северного Крестового похода Александр при поддержке новгородцев, Сартака и церкви скинул в 1252 году с Владимирского престола Андрея, не хотевшего в это время воевать с крестоносцами.

А в 1256 г. (Андрей к этому времени уже помирился с братом) Александр организовал свой важнейший поход (и один из важнейших походов в российской истории вообще). Это – Тёмный поход (проходивший зимой 1256/57 г.) против шведских союзников из числа финских племён. В результате русские укрепились на Финском заливе, завоевали восточную и северную Финляндию до Ботнического залива и вытеснили шведских и норвежских викингов с побережья Белого моря (древней Биармии), навсегда отрезав их от Сибири. Мало того,

все завоёванные земли, размером с пол-Украины, проницательный Александр уступил Новгороду, себе взяв только положенную часть трофеев. Он также помирился с братьями и с Даниилом Галицким. Но когда князь вернулся из похода, он узнал, что в Орде произошли радикальные события – сменилось 3 хана: умер Бату, были отравлены Сартак и Улагчи, пробывший на троне всего несколько дней. К власти пришёл мусульманин Берке. Ещё важнее (и гораздо хуже) было требование Монгольской империи перечислить население Северной Руси и обложить его данью. Суздаль пустил баскаков, а богатый и сильный Новгород упёрся. Александр и митрополит Кирилл понимают, насколько это опасно в те годы (1257–1259).

Последний натиск великой империи

Монгольская империя начинает последнюю общую кампанию в западном направлении: на Иран. В 1257–1259 гг. армия под началом Хулагу (брата императора) громит Иран, Ирак, Сирию^[113]. Руководитель похода Хулагу-хан собрал приверженцев разных религий. Начальник штаба [Кит-Буга-нойон](#) был ревностным [несторианином](#), и помощников он подобрал из единоверцев. А еще в союз с монголами вступил царь [Малой Армении Хетум I](#), который смог привлечь и антиохийского князя Боэмунда. Поэтому этот поход ещё иногда называют «ЖЁЛТЫМ КРЕСТОВЫМ ПОХОДОМ». При этом западные крестоносцы, наезжая на Александра и агитируя его к перемене веры, одновременно пытались сделать союзниками и монгол, перетаскивая на свою сторону влиятельную среди знати партию монгольских христиан-несториан. Об этом прямо пишется^[114]: «Именно тогда, в XIII в., западные христиане заметили между мусульманами и «варварами» третий вид язычников: монголов»^[115]. Монгольский миф является одним из наиболее любопытных мифов средневекового христианства (Жак Ле Гофф). Их считали не только готовыми принять христианство, но уже принявшими его и ожидающими лишь повода, чтобы заявить о себе^[116]. Миф о пресвитере Иоанне, таинственном христианском государе^[117], чье царство помещали в XIII в. в Азии, рожденный воображением западных христиан на основе смутных сведений о сохранившихся в Азии несторианских общинах^[118], распространился на монголов. Отсюда мечта о союзе христиан и монголов, который, зажав ислам в свое кольцо, уничтожит его или обратит в христианство и установит **царство истинной веры на всей земле** (Жак Ле Гофф).

В январе 1256 года Хулагу, пополнив свою армию джучидскими подразделениями, предоставленными [Сартаком](#), форсировал Аму-Дарью и осадил низаритские крепости в Кухистане ([Эльбурс](#)). Сложнее всего пришлось монголам при осаде Гирдекуха, которая затянулась на годы. Покончив с низаритами, Хулагу потребовал покорности от багдадского халифа ал-Мустасима. Полевая армия потерпела поражение на берегу Тигра. В начале 1258 года Хулагу, Байджу и Кит-Буга завершили окружение Багдада. Сперва в действие вступили осадные орудия, а затем начался штурм. К середине февраля город был в руках монголов. В начавшемся избиении жителей были пощажены христиане и евреи, поскольку при халифах они были угнетаемы. Сдавшийся в плен ал-Мустасим по приказу Хулагу вынужден был показать тайные казнохранилища, а затем, 20 февраля, был казнён. 12 сентября 1259 г. армия Хулагу выступила на запад. В 1260 году был взят Дамаск.

Могущество империи в зените. Её войска (в том числе и из Орды) громят мусульманские страны и берут неприступные крепости исмаилитов.

Александр, Берке и Бейбарс: дирижёры и жонглёры мировой политики

Поэтому Александр со своими людьми и монгольскими численниками едет в Новгород. Чтобы заставить этот вольный, гордый и богатый город платить дань. Вече встаёт на дыбы. А во главе противников числа (т. е. подсчёта и учёта населения) – его сын Василий Александрович. Но князь тоже не простак и умелый вечевого оратор. Он обвиняет противостоящую ему партию в том, что они сына натравливают на отца. Это по русским понятиям тех времён очень тяжёлый грех, гораздо тяжелее, чем какая-то монгольская дань. Люди возмущаются меньше или уходят в нейтралитет. Пользуясь ситуацией, князь добивается выдачи ему бояр-«патриотов» и жестоко расправляется с дружиной Василия во главе со своим тёзкой: «выгна сына своего из Пльскова и посла в Низ, а Александра и дружину его казни: овому носа урезаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повел»^[119].

В конце концов после переписи населения и последующих долгих споров договариваются о дани – 1000 (одна тысяча) новгородских гривен (больших и тяжёлых, 200 г серебра каждая) в год с Новгородской земли; годовой же национальный доход Новгородской республики при этом составлял ок. 500 000 новг. гривен^[120, 121].

И что за драка за копейки? С кровью, отрезанием ушей... Но не всё так просто. Здесь и баскаки, и новгородцы пошли на принцип (баскаки к тому же выполняли жесткое указание империи: переписать и обложить данью в 10 % все завоёванные земли). Но т. к. в Новгородчине они завоевали только приграничную крепость Торжок, то новгородцы тоже уперлись и согласились: 1. Платить дань только за Торжок и его окрестности, т. е. 1000 новгородских гривен. **2. Передавать эту дань без общения с баскаками через руки Владимиро-Суздальского князя.** Здесь ещё такой момент присутствовал: новгородцам трудно было спорить до крови за 1000 гривен (в смысле: давать – не давать) с человеком, который только что завоевал им северные земли (финские, карельские, Биармию и беломорские), приносящие им ежегодно несколько десятков тысяч гривен (!) и окончательно сделавшие Новгород монополистом по поставке мехов в Европу, и одновременно остановил Второй Северный Крестовый поход. Добавим – ну очень вовремя, как предвидел.

К тому же формальности были обставлены так: передача дани через руки князя-наёмника, отсутствие баскаков, отсутствие вассальных клятв монголам, **что Новгород де-юре и де-факто оставался независимой республикой. Тамгу Новгород изначально не платил, а значит, не входил изначально в таможенную систему Монгольской империи (как и Смоленск).** Кроме того (и об этом тогда задумывался, похоже, только Александр), по монгольским законам и обычаям, даже такая малая дань обязывала их к помощи при обращении за ней новгородцев в случае нападения третьей стороны. И в то же время Господин Великий Новгород общался с Золотой Ордой через послов, а монголы с самого начала согласились не лезть во внутренние новгородские дела. В частности, было решено, что новгородцы сами решают: как, где и с каких областей они собирают деньги в счёт тысячи гривен ордынского платежа. Попутно заметим, что те – и у нас, и за кордоном, кто выставляет Александра монгольским соглашателем и марионеткой, просто плохо знают (или прикидываются) ситуацию того времени, когда гибли (или – не гибли) государства и народы, когда нужно было иметь осторожность, отвагу и мгновенную реакцию амурского тигра, и удары наносить только наверняка. Итак, во Владимире, Ростове, Суздале сели баскаки, но в это же время в далёкой Монголии умирает император Мункэ – последний общемонгольский Великий хан. Отношения между Золотой Ордой и Хулагуидами резко портятся. Хулагуиды забирают Закавказье, которое Золотая Орда считает своим, громят мусульман и казнят багдадского калифа. Будучи хри-

стианином-неисторианином, Хулагу становится опасным не только для мусульманина Берке, но и непредсказуемым для Александра, Кирилла и Руси. Это с Сартаком (тоже неисторианином) всё было обговорено. А Хулагу с русскими Волгу «не пилил»; он заключает союз с крестоносцами. Ситуация быстро меняется и малопредсказуема, задействованы крупнейшие военные силы того времени: монголы, мусульмане, крестоносцы.

И в 1261 г. Берке с Александром и Кириллом открывают в Сарае Сарскую епархию. Теперь все христиане Золотой Орды (а среди кочевой знати это практически все – неисториане) становятся прихожанами русской православной церкви, а неисториане Золотой Орды – постепенно – русскими православными.

Но маховик событий всё раскручивается. После смерти Мункэ основная часть монгол возвращается в Иран, т. к. на курултае в Монголии должен быть избран новый хан. Меньшая из армий (от 15 до 20 тыс. чел.) продолжила боевые действия в Палестине против мамлюков Египта. Над мусульманским миром вообще нависла серьёзная угроза. Но нам от этого ничего не светило, т. к. крестоносцы и Хулагуиды уже были союзниками, правда, и ненадёжными, и непредсказуемыми. Отступая, Хулагу отправил посольство к мамлюкскому султану Кутузу в Каир со следующим ультиматумом: «Великий господь избрал Чингисхана и его род и [все] страны на земле разом пожаловал нам. Каждый, кто отвернулся от повиновения нам, перестал существовать вместе с женами, детьми, родичами, рабами и городами, как всем должно быть известно, а молва о нашей безграничной рати разнеслась подобно сказаниям о Рустеме и Исфендияре. Так что, ежели ты покорен нашему величеству, то пришли дань, явись сам и проси [к себе] воеводу, а не то готовься к войне» (Джами' ат-таварих.)

В ответ на это Кутуз, по инициативе Бейбарса, приказал казнить послов и готовиться к войне. Возможные союзники монголов, христиане Палестины, неожиданно пришли на помощь мамлюкам. Жюльен Гренье, граф Сидона, без повода напал на монгольский отряд. Мамлюкский корпус получил в христианской Акре отдых и продовольствие. Отдохнув под стенами гостеприимной крепости, мамлюки через территорию Иерусалимского королевства вышли в Галилею, в тыл монгольской армии.

3 сентября два войска столкнулись у Айн Джалута, близ Назарета. В состав монгольской армии входили немногочисленные грузинские и армянские отряды. Битва началась с атаки монгольской конницы. Бейбарс ложным отступлением завлёл Кит-Бугу в засаду, где на него с трёх сторон ударили мамлюки. Монгольская армия потерпела поражение, Кит-Буга попал в плен и был казнён. Монголы ещё попытались восстановить свои позиции на Ближнем Востоке. Хулагу удалось собрать ещё одну армию и бросить её на Сирию. Им даже удалось взять Алеппо. Но Бейбарс со своими мамлюками уже спешил им навстречу. Битва состоялась 10 декабря 1260 года при Хомсе. Монгольская армия была снова разбита и откатилась за Евфрат. И страх перед монголами после двойного их поражения приуменьшился.

Вновь избранный Великий хан Хубилай перенёс в 1261 году столицу империи из Каракорума в Пекин (тем самым показывая, что главное направление для него – это Китай) и дал Хулагу титул Ильхана (т. е. хана части империи), показав расположение.

А вот отношения между Золотой Ордой (Джучидами во главе с Берке) и Ильханами-Хулагуидами становились всё хуже и хуже. В 1262 году между ними началась большая война. Идеологическим обоснованием войны была месть правоверного Берке за казнённого по приказу Хулагу аббасидского халифа аль-Мустасима, однако причины конфликта лежали глубже. Джучиды претендовали на закавказские территории (Арран и Азербайджан), обосновывая свои претензии завещанием Чингисхана. Бату по приказу великого хана Мункэ отправил к Хулагу около трёх туменов войска под началом Балакана, Тутара и Кули. Позже эти войска принимали участие и во взятии Багдада, и правоверный Берке, ставший к тому времени правителем, не выразил явного недовольства по этому поводу. Лишь после того, как Хулагу отказался отдать джучидам Закавказье и Южный Азербайджан в качестве доли завоеваний,

вражда между двоюродными братьями усилилась. В придачу к этому в начале 1260 г. в ставке Хулагу был казнён Балакан; внезапно скончались Тутар и Кули, у Берке были подозрения, что их отравили. **Прямо скажем – небеспочвенные подозрения. Послал в поход трёх полководцев-тёмников, и надо же, какая незадача, скончались разом все!** Он приказал своим войскам возвращаться в Дешт-и-Кыпчак, т. е. в степи Золотой Орды, а если не удастся – отходить в мамлюкский Египет.

Когда в августе 1262 года через Дербент в Ширван вторглось 30-тысячное конное войско под командованием Ногая, из Аладага выступила хулагуидская армия. Её авангард спустя два месяца столкнулся с Ногаем у Шемахи и потерпел поражение. Но 14 ноября, когда к месту боевых действий подтянулись силы Абатай-нойона, джучидская армия была разгромлена, а Ногай бежал. Утром 8 декабря всё хулагуидское войско подошло к Дербенту. Сражение длилось весь день, и ордынцы в итоге отступили, оставив крепость.

Абатай, соединившись с Абагой, сыном Хулагу, перешли Терек и захватили лагерь и обозы войск Ногая. Берке организовал контрнаступление, и 13 января 1263 года на берегу Терека состоялась битва. Хулагуидская армия потерпела поражение, причём множество воинов при отступлении провалилось сквозь тонкий лёд реки. Потери с обеих сторон были так велики, что Берке, согласно Ибн Василу, воскликнул: «Да посрамит Аллах Халавуна этого, погубившего монголов мечами монголов. Если бы мы действовали сообща, то мы покорили бы всю землю». Войско Берке, пройдя за Дербент, вскоре отступило обратно на север. В то же время Хулагу, вернувшись в свою столицу Тебриз, среди прочего приказал казнить всех ордынских купцов-уртаков, занимавшихся в Тебризе торговыми операциями, а их имущество конфисковать. Берке ответил казнью персидских купцов, торговавших в его владениях. И вот в этих жестоких обстоятельствах Берке требует военной помощи от Александра!

Всё! Наступает момент истины. Возможно, самый сложный и тяжёлый в XIII веке, сложнее, чем у Торжка в феврале – марте 1238 г., и один из самых сложных в русской истории. **Александр решает: войска не давать.** Но как? И он уводит свои полки к Тарту (Юрьеву) ещё в 1262 году, осаждают, штурмует, стреляет, объявляя орде: «На нас напали». А через некоторое время боевики Александра одномоментно и согласованно входят со стороны Смоленска, Новгорода, Вологды во Владимиро-Суздальское княжество и синхронно с вечеми Владимира, Суздаля, Ростова, Ярославля изгоняют баскаков и их отряды, громя и убивая самых наглых и злых. Акция была **подготовленная и резкая**. И тут с ильханами Ирана начинается эта тяжёлая для Орды война. Нужно принимать решение. Князь едет в Орду. И жёстко ставит перед Берке условия: или дань без баскаков, войск на войны и мальчиков в янычары, или – партизанская война. **Здесь не Сирия – леса.**

Теперь думает уже Берке. Он зол на Хубилая, на Александра и на Хулагу (особенно). Но Александр приехал один, как камикадзе, он не блефует. К тому же он не хочет подчиняться Монгольской империи. И Берке – тоже. Не платить им дань, а делить доходы от Волги. Всё равно кавалерию там, в лесах-болотах, постоянно держать нереально. В итоге Берке делает ход: он слагает с себя вассальную клятву Хубилаю (т. е. Монгольской империи – **и с этого момента – 1262 г. – Золотая Орда выходит из империи**), приносит формальную присягу халифу-изгнаннику, который находится в Египте у мамлюков Бейбарса, и **перестает платить дань в Монголию, ссылаясь на восстание русских** ^[122]. После этого многие монголы уходят назад, на восток. А войска Александр так и не дал: ни в 1262-м, ни в 1263 году. И Золотая Орда становится более тюркской и татарской. Тут можно ещё раз задать вопрос: что, Александр похож на марионетку? Скорее, на Кутуза и Бейбарса. Он более 20 лет был стражем отечества со стальными нервами, умело выждал момент и молниеносно его использовал и в конце концов спас русскую государственность. Если б на его месте был тюфяк или просто НЕ ОЧЕНЬ СИЛЬНЫЙ человек, мы бы получили 1605 или 1917 год. Наиболее последовательную и развёрнутую критику политического курса Александра даёт английский профессор Дж. Феннел

[123]. Он утверждает, что Александр проводил просто соглашательскую политику по отношению к монголам.

Явно не без оснований указывая на преувеличенный характер Батыевых разрушений на Руси, описываемый большинством российских, а затем и советских историков; сохранение основной части боевого потенциала страны (в том числе кадрового, особенно у самого Александра и его братьев, а также у Даниила Галицкого и его брата Василько), Феннел ставит в укор Невскому то, что тот регулярно срывал антимонгольские кампании: братьев Андрея и Ярослава в 1252 году, а затем выступления новгородцев во главе со своим старшим сыном Василием Александровичем в 1257–1258 гг. против переписи населения монгольскими численниками. Британский профессор утверждает, что Невский неоправданно много и негативно уделяет внимания тевтоно-шведской угрозе на западе, которая была явно преувеличенной и просто не представляла угрозы для русских латников, а значит, и стране в целом. И в то же время из сугубо личных интересов однозначно и решительно отказался от участия в организации крестовых походов против монгол. На это можно сказать: во-первых, Данило Галицкий пытался организовать крестовый поход против монголов. И что? Ему кто-то помог? Кроме пустого титула короля, он что-то получил от Запада реально ^[124]? Нет. Во-вторых, британец в чисто английской манере забывает или опускает очень важные моменты: а что, Александр ходил воевать с Ордой в Иран, Азербайджан, Хорезм; или давал им войско; или сдал новгородцев (за 1000 гривен), вводил у них тамгу, монгольскую таможенную? Или заботливо поддерживал баскаков, оборонял их, помогал материально? Нет. Он предпочитал молниеносно действовать и умел ставить резкие условия, от которых было трудно отказаться. При этом он предпочитал быстроту не только на Востоке, но и на Западе. Ему не нужны были дурацкие Крестовые походы, долгие и разорительные кампании, распыляющие и поглощающие людей и ресурсы. У него было мало ресурсов и много проблем на всех направлениях. И это со временем поняли и князь Данило, и его братья, которые вскоре помирились с Александром. И, наконец, в-третьих: западное направление. Действительно, сегодня понятно, что бои в Прибалтике в основном велись небольшими, но хорошо подготовленными отрядами, опиравшимися на тяжеловооружённых рыцарей и пехотинцев с обеих сторон. По-настоящему крупных сражений в XIII веке в Прибалтике было два – это Раковорское (1268 г.) и Псковское (1269 г.), когда русские, немцы, шведы и датчане стягивали крупные по тем временам и хорошо вооружённые, боеспособные армии. Так, в Раковорском сражении с обеих сторон сражались около 15 000 воинов. Больше было только у Грюнвальда, через 142 года. А вот немецкие историки, заявляя о том, что при Александре масштаб сражений был меньше, чем считалось раньше, более осторожны в своих выводах. Так, Э. Хеш ^[125] и Вильям Урбан ^[126] описывают, что обе стороны пытались оттеснить друг друга от стратегически важного (особенно для транзитной торговли «восток – запад») Финского залива – что у русичей в целом получалось лучше, – изматывая друг друга ударами и рейдами небольших подготовленных отрядов. Но при этом оба допускают, что при неудачном исходе для русских воинов Ледового побоища или Раковорского сражения была возможна «временная оккупация Новгорода». Вот это уже – очень важные заключения. Хеш и Урбан упоминают анализ Феннела, но делают иные выводы, отмечая не только быстроту, но и благоразумие Александра. Так, Урбан пишет: «В конце 1241 года Александр принудил к сдаче немецко-датский гарнизон к востоку от Нарвы. Примечательно, что он отпустил (разумеется, за выкуп) западных воинов, но эстонцев велел повесить как мятежников и предателей. Таким образом, он продемонстрировал, что его занимает совершенно определенная задача – сохранять контроль над жизненно важными территориями. У него не было намерения опрокинуть крестоносцев в море. *Он старался решить проблемы быстрыми ударами*». **А Феннел не желает признать, что Александр умышленно и обдуманно продал на вече Новгорода согласие на символическую дань, чтобы привязать Орду «на чёрный день»**

к помощи против крестоносцев. И, обобщая ранее написанное, можно только повторить: Александр – наш Кутуз и Бейбарс, только с русским характером и менталитетом. И его не надо идеализировать. Он и так много сделал.

Заканчивая разговор об Александре, нельзя не отметить общий и главный вывод британского профессора-слависта: **Золотая Орда не затормозила ни экономического, ни политического развития Руси.** Именно этот вывод является главным в работе Дж. Феннела ^[123]. Он как-то гармонично совпадает с описанными выше выводами архитектора Заграевского.

Новый сосед: Золотая Орда — страна почти из сказок

Итак, в результате всего описанного выше (монгольских походов, боёв и деятельности Кутуза, Бейбарса, Александра и Берке) у наших юго-восточных и южных границ нарисовался новый сосед – Золотая Орда. Сосед большой и сильный. Золотая Орда обычно представляется степными просторами, населенными кочевниками, а где-то посреди степей находится столица государства – город Сарай. Такое представление справедливо лишь отчасти. Если оценивать общую площадь, то Золотая Орда была крупнейшим государством XIII–XIV веков после улуса Великого хана. А вот городов в Орде было не один и не два, а несколько десятков. Можно перечислить только крупнейшие из них: Старый Сарай (Сарай Бату), Новый Сарай (Сарай Берке), Солхат (Крым), Хорезм, Булгар, Азов. Причём оба Сарая были в числе крупнейших городов Европы того времени, с населением более 60 000 человек в каждом. Что же касается Восточной Европы, то сравниться с ними могли только Новгород Великий на севере и крымская Кафа на юге, которые имели примерно по 40 000 населения каждый. Именно эти два города и стали со временем важнейшими торговыми партнёрами Орды^[127]. (Отметим, что А. Пономарёв утверждает: в Кафе жило не более 15 тыс. чел., а 40 000 стало уже при турках.)

Арабские и персидские историки XIV–XV вв. суммарно сообщали о её размерах в цифрах: «от моря Константинопольского до реки Иртыш, в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Дербента и до города Булгара, то есть приблизительно на 600 фарсахов». Цифры эти дают общее представление, охватывая как раз пояс европейско-азиатских степей^[128]. Специфика золотоордынских границ состояла в том, что по периметру золотоордынских кочевий возникли «пустые места», или нейтральные зоны^[129].

В ландшафтном отношении они обычно представляли собой переходные лесостепные районы^[130]. Как правило, они использовались попеременно то одной, то другой стороной в хозяйственно-промысловых целях. К примеру, если летом ордынцы пасли здесь скот, то зимой русские занимались охотой^[131]. Сразу заметим, что нас интересует прежде всего наличие границ Золотой Орды с русскими княжествами. Это раз. **И второе, но не менее важное обстоятельство: все восточные и западные современники дружно указывают, что самым северным крупным городом Орды в Восточной Европе был Булгар. Именно Булгар, а не Рязань или Нижний Новгород.** Кроме того, нужно отметить, что указанные нейтральные зоны характерны только для XIII в. В XIV в. они постепенно начинают осваиваться окружающими Золотую Орду оседлыми народами^[132]. Общая территория государства в XIII в. обрисовывается следующими пограничными линиями. Восточные пределы Золотой Орды включали области Сибирь и Ибирь с пограничными реками Иртыш и Чулыман^[133]. Северная граница на просторах Сибири находилась в среднем течении реки Оби^[134].

Южная граница государства начиналась в предгорьях Алтая и проходила севернее озера Балхаш^[135], затем тянулась к западу через среднее течение Сыр-Дарьи, южнее Аральского моря, к улусу Хорезм^[136]. Этот район древнего земледелия составлял южный улус Орды с центром в городе Ургенче^[137].

На западном берегу Каспийского моря пограничным городом, принадлежавшим Джучидам, был Дербент. Отсюда граница тянулась вдоль северных предгорий Кавказского хребта к Таманскому полуострову, полностью входившему в состав Золотой Орды. На протяжении XIII в. кавказская граница была одной из самых беспокойных, так как местные народы (черкесы, аланы) еще не были окончательно подчинены монголам^[138].

Таврический полуостров также составлял часть Золотой Орды. Именно после включения в состав Орды он получает новое наименование – Крым, по названию главного города этого улуса ^[139]. Однако сами монголы занимали в XIII–XIV вв. лишь северную, степную, часть полуострова ^[140]. Его побережье и горные районы представляли в это время целый ряд полузависимых от монголов мелких феодальных владений. Наиболее важными среди них были итальянские города-колонии Кафа (Феодосия), Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава) ^[141]. В горах юго-запада существовало православное княжество Феодоро, столицей которого был город Мангуп. Это был хорошо укрепленный осколок Византийской империи с населением из черноморских греков, крымских готов и армян ^[142]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.